

— Ты уверен? — спросил Чжао Цянь.

Шэнь Хэцю, услышав слегка дрожащий голос Чжао Цяня, сжал губы и тихонько усмехнулся:

— Фугуй.

— Я хочу попробовать.

Чжао Цянь ненадолго замолчал, затем произнёс:

— Ты хочешь попробовать?

— Угу.

Чжао Цянь сжимал мобильный телефон, чувства его были сложны.

Когда «Ихуа Энтертейнмент» ещё относилась к Шэнь Хэцю с оптимизмом, тот в студии звукозаписи за день пытался бесчисленное количество раз, но так и не смог спеть перед другими.

Но Чжао Цянь слышал — поздно вечером, когда в студии оставался только Шэнь Хэцю, тот тихо, но плавно пел.

Тогда он и понял: Шэнь Хэцю не совсем не может петь, просто не может петь перед другими.

Но для артиста-певца это самое смертельное, что может быть.

Чжао Цянь не мог помочь Шэнь Хэцю. Он пытался, но так и не смог вытащить его из кошмара того концерта и не мог развязать его душевный узел.

Но почему же Шэнь Хэцю вдруг захотел попробовать снова?

Столько предыдущих неудач достаточно, чтобы сломить уверенность любого человека, не говоря уже о изначально робком и застенчивом Шэнь Хэцю.

Для него это было поистине катастрофой.

Чжао Цянь не думал, что слова Шэнь Хэцю «попробовать» вызваны внезапным прозрением.

Он почти был уверен: это определённо связано с тем, фамилия которого И.

Чжао Цянь всё же не оставлял надежды и спросил:

— Ты хочешь петь для кого?

Шэнь Хэцю поднял голову и посмотрел на высокую, статную фигуру мужчины поодаль.

И Шэн слегка склонил голову, слушая отчёт ассистента Чэна, профиль его был чётким, не слишком яркое утреннее солнце начала лета освещало его лицо, создавая тёплое, мягкое и волнующее впечатление.

Шэнь Хэцю чуть прищурил глаза, и его слова невольно окрасились ноткой нежности, которую сам он не осознавал:

— Я хочу спеть для господина И.

Чжао Цянь, услышав этот ожидаемый ответ, почувствовал ещё большее смятение: действительно, И Шэн, как же этот пёс так быстро действует?

Чёртов кабан, усердно роет мою капусту.

Чжао Цянь спросил:

— Ты хочешь спеть для него?

— Угу, — ответил Шэнь Хэцю.

Всего за это время не виделись, а Шэнь Хэцю уже стал относиться к И Шэну всё ближе и ближе...

Чжао Цянь поднял брови, глубоко вздохнул и сказал себе, что если сейчас начнёт ругаться, то никого не обругает, а только напугает Шэнь Хэцю.

Да и Шэнь Хэцю, наверное, не поймёт, что он хочет посоветовать.

Хотя И Шэн и пёс, но...

Тот факт, что он смог заставить Шэнь Хэцю отпустить настороженность, говорит о том, что он действительно хорошо о нём заботится.

Пока что пусть идёт своим чередом.

— Хочешь петь — пой, — сдержанно сказал Чжао Цянь, в душе уже перебрал сотню способов обругать кабана, роющего капусту. — Что касается компании, хотя их позиция не совсем ясна, но если это студия для тренировок, её ещё можно одолжить. Если захочешь прийти, просто позвони мне, я заберу тебя.

Разговор прервался.

Шэнь Хэцю услышал приближающиеся шаги, и перед ним остановились чёрные кожаные туфли.

Он услышал, как И Шэн сказал:

— Пошли, домой.

Шэнь Хэцю поднял голову, глаза его слегка прищурились, на уголках губ показались неглубокие ямочки:

— Угу.

Домой.

До официального выступления Шэнь Хэцю в том шоу талантов будет генеральная репетиция.

Ему нужно было за три-четыре недели до репетиции убедиться, что он сможет петь.

Хотя Чжао Цянь и сказал, что может одолжить тренировочную студию компании, Шэнь Хэцю не хотел его беспокоить.

Он знал, что сейчас для «Ихуа Энтертейнмент» он не представляет особой ценности, Чжао Цянь, может, и сможет одолжить, но процесс определённо будет нелёгким.

К счастью, господин И в последнее время всё так же рано уходил и поздно возвращался.

После того как вечером тётушка Лю уходила, в вилле оставался только Шэнь Хэцю, и он мог попытаться потренироваться в небольшой оранжерее на верхнем этаже.

В оранжерее свет горел постоянно.

Шэнь Хэцю вошёл в оранжерею и направился к своему любимому уголку.

Там, в глубине цветов, было небольшое подвесное кресло-качалка из лозы. Шэнь Хэцю любил сидеть в нём в одиночестве и петь для себя.

Ночь была тихой. Шэнь Хэцю сидел в плетёном кресле, слегка касаясь носками пола, чтобы полукруглое подвесное кресло слегка раскачивалось.

Полные жизни цветы и растения окружали его, словно защищая и обнимая, что позволяло ему расслабиться.

В полной тишине Шэнь Хэцю закрыл глаза и приоткрыл губы.

Чистый, цепляющий звук взвился в оранжерее, окрашиваясь в ясную и протяжную мелодию, подобно первой утренней росе под лучами рассветного солнца — чистой и трогательной.

Шэнь Хэцю среди цветов без малейшего запинания спел полпесни, а затем резко остановился.

Неправильно.

Сейчас ему нужно тренироваться, не просто петь для себя, а представлять, что здесь не только он один.

Перед ним должны сидеть бесчисленные зрители, толпа будет издавать шёпот и шелест коротких разговоров, а затем замолкнет в тот миг, когда он выйдет на сцену.

Все взгляды будут сосредоточены на нём.

Ему нужно только... суметь издать звук.

Шэнь Хэцю открыл рот, но горло будто забилося ватой.

Он пытался издать звук, но получалось лишь сломленное и жалкое задыхание.

Горло горело, как в огне. Шэнь Хэцю схватился за горло, желудок сводило спазмами, и ему хотелось вырвать всё его содержимое.

Словно вновь повторился кошмар того концерта.

Шэнь Хэцю согнулся, обхватив голову руками.

Женский крик вновь начал прокручиваться в его голове снова и снова:

— Если бы ты был послушным, если бы не ты, разве твой отец ушёл бы?!

— Сяо Цю, будь хорошим, слушайся маму, не пей больше!

— Не пей больше!!

— ...Нет! — Шэнь Хэцю резко открыл глаза.

Всё его тело дрожало, воздух казался разреженным.

Он вцепился в своё запястье, серебряный браслет на левой руке вдавился в кожу, оставив глубокую вмятину.

Прошло два-три дня, и каждая попытка Шэнь Хэцю заканчивалась неудачей.

Он даже пробовал, сможет ли спеть через голосовой звонок Чжао Цяню, но тоже потерпел неудачу.

Если он тихонько напевал себе под нос, то мог спокойно пропеть песню от начала до конца.

Но стоило ему представить, что перед ним сидят бесчисленные слушатели, или даже просто через экран телефона, по голосовой связи с Чжао Цянем, попытаться спеть —

Удушье и привкус крови поднимались из глубины горла, застилали глаза темнотой, звоном в ушах, не давая вздохнуть.

Он не мог петь.

Он не мог петь.

Он не мог петь.

— Шэнь Хэцю? Что с тобой?

Чжао Цянь услышал через голосовую связь учащённое и сбивчивое дыхание Шэнь Хэцю и сразу понял, что у того проблемы.

— Если не получается спеть, ничего страшного, ещё есть время, может, сегодня просто отдохнуть...

Произнеся несколько фраз и не получив ответа, Чжао Цянь всё яснее осознавал свои нехорошие догадки.

— Шэнь Хэцю? — позвал он.

В ответ — лишь учащающееся неровное дыхание, жуткая тишина.

— У тебя приступ? — сердце Чжао Цяня упало, он закричал в тревоге. — Ты в последнее время не принимал лекарства?

— Шэнь Хэцю!

В трубке Чжао Цянь всё ещё тревожно кричал. Шэнь Хэцю перевел дух и прервал разговор.

В душе будто лежал неподъёмный камень, заставляя всё его тело словно погружаться вниз.

Это чувство было ему знакомо.

Потому что до того, как он попал в больницу на лечение, это оцепенение, тяжёлое ощущение распространялось по всему телу, заставляя его чувствовать себя уставшим, несчастным.

Все позитивные эмоциональные отклики словно вытекали через дыру, он просто не мог ухватиться за них.

Как бы он ни старался, у него не получалось, он не мог петь.

Так плохо... Слёзы накапливались в глазах, а затем со стуком капали на пол.

Шэнь Хэцю сжался в углу оранжереи, беззвучно роняя слёзы.

Он открыл рот, чтобы закричать, но не смог издать звук. Неспособные вырваться эмоции застряли в горле, и каждый его вдох казался предсмертной борьбой.

Он впивался ногтями в запястья, но этой слабой боли уже не хватало, чтобы сохранять бдительность.

— Цю?

Шэнь Хэцю поднял голову. Слёзы застилали ему глаза, размывая фигуру И Шэна.

— Почему плачешь?

Его уши словно были под водой, обеспокоенный голос И Шэна доносился сквозь толщу воды, глухой и неясный.

Шэнь Хэцю чувствовал, как тёплый палец И Шэна осторожно снимал слёзы с его лица. В движении, казалось, была лёгкая дрожь, или, может, это дрожал он сам.

— Не плачь.

Тёплые объятия накрыли его. Мужчина раз за разом похлопывал его по спине, тихо успокаивая.

Достаточно ли длинно и объёмно!

Все китайские символы и артефакты кодировки переведены или исправлены на основе контекста. Прямая речь отформатирована согласно требованиям.

<http://bllate.org/book/15590/1389650>